

УДК 342.571

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ С ПРАВОВЫМ ЗАПРЕТОМ
НА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРАВАМИ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ****канд. юрид. наук В.В. ГОНЧАРОВ****(Юридическая консалтинговая корпорация****«Ассоциация независимых правозащитников», Краснодар, Россия)**

Исследуется проблема правового запрета на злоупотребление гражданско-политическими правами при реализации права на общественный контроль. Автор обосновывает положение о том, что принцип запрета злоупотребления правом предполагает исключение безграничной свободы в использовании участниками гражданско-политических правоотношений имеющихся у них прав. Представлена классификация основных подходов к определению и использованию понятия «злоупотребление правом», дается авторское его определение. Обосновывается необходимость использования данного понятия в области регулирования публично-правовых отношений. Проводится анализ законодательного закрепления правового запрета на злоупотребление гражданско-политическими правами при реализации права на общественный контроль на федеральном и региональном уровне, при этом используется ряд методов научного исследования, такие как анализ, синтез, классификация, сравнительно-правовой, оценка.

Ключевые слова: правовой запрет; злоупотребление гражданско-политическими правами; общественный контроль; народ; законные интересы; шикана; конфликт интересов; правопользование; конституционные ценности.

Реализация гражданами Российской Федерации права на общественный контроль предполагает соблюдение определённых границ как по содержанию, так и по способам осуществления предусмотренных им возможностей. Такие границы – неотъемлемое свойство всякого права, ибо при их отсутствии право превращается в свою противоположность – произвол. Некоторые авторы справедливо отмечают: «Ни одно общество не может предоставить человеку безграничную свободу, поскольку это привело бы к проявлению эгоистического своеволия и анархизма, к бесконечному столкновению и конфликтам индивидуальных интересов. Система прав и свобод человека и гражданина объективно формируется таким образом, чтобы обеспечить свободу и законные интересы людей и предотвратить возможные нарушения их прав в результате злоупотреблений ими со стороны других лиц» [14, с. 191].

В связи с этим правовая доктрина использует принцип запрета злоупотребления правом. Так как реализация права на общественный контроль предполагает широкое участие субъектов общественного контроля в различных гражданско-политических правоотношениях, то речь идет о правовом запрете злоупотребления гражданско-политическими правами при реализации права на общественный контроль. Принцип запрета злоупотребления правом предполагает исключение безграничной свободы в использовании участниками гражданско-политических правоотношений имеющихся у них прав.

Рассмотрим сущность понятия «злоупотребление правом» и пределы его использования в российской правовой системе в целом и в конституционно-правовых отношениях в частности, включая отношения по реализации права на общественный контроль гражданами Российской Федерации.

В научной и учебной литературе существует несколько подходов к определению и использованию понятия «злоупотребление правом»:

1) отрицание корректности применения данного понятия в регулировании правоотношений [9, с. 79–86; 8, с. 427];

2) отнесение его к категории виновного противоправного деяния [12, с. 76–85; 10, с. 67];

3) рассмотрение его в качестве поведения, укладывающегося в правовые рамки, но наносящего вред третьим лицам и (или) нарушающего целевое назначение правовой нормы, а также принципы разумности и доброй совести [21, с. 56–59; 19];

4) отнесение его к особому виду поведения, не являющегося ни правонарушением, ни правомерным поведением [22, с. 402–412];

5) рассмотрение его в качестве поведения, которое может являться как противоправным, так и не нарушающим правовые нормы [11, с. 33; 15, с. 46–54]

Сторонники *первого подхода* считают использование данного термина некорректным в связи с тем, что отсутствуют формы злоупотребления правом, и если право существует, то невозможно злоупотребление им. Так, по мнению С.Н. Братуся: «Отход в использовании права от его социального назначения есть отступление от закона со всеми вытекающими отсюда последствиями» [9, с. 79–86]. В свою очередь, М.М. Агарков отмечает, что «Те действия, которые называют злоупотреблением правом, на самом деле

совершены за пределами права» [8, с. 427]. Следовательно, сторонники данного подхода рассматривают злоупотребление правом в качестве правонарушения со всеми вытекающими последствиями. Однако данная точка зрения представляется спорной в связи с тем, что злоупотребление правом предполагает действие лица по реализации своего права в рамках правовых предписаний (то есть допустимое и возможное), но с наступлением последствий, неблагоприятных по отношению к третьим лицам либо к определенному кругу лиц (обществу и государству в целом).

По мнению авторов *второго подхода*, злоупотребление правом отражает сущность данного явления, являясь с субъективной стороны виновным деянием с умышленной или неосторожной формой вины, а с объективной стороны – противоправным деянием [12, с. 76–85]. Таким образом, согласно данному подходу, злоупотребление правом всегда связано с нарушением лицом обязанности не нарушать пределов осуществления права. Как отмечает В.И. Емельянов, злоупотребление правом всегда представляет собой правонарушение [10, с. 67]. Однако данный подход подвергается справедливой критике. Так, по мнению И.В. Советникова, он применим отчасти лишь к гражданскому праву [20, с. 17]. Действительно, например, если субъекты общественного контроля инициировали общественную проверку организации, исполняющей отдельные публичные полномочия, не с целью выявления, предупреждения и пресечения нарушений последней прав, свобод и законных интересов граждан, а с целью ее последующей ликвидации либо изъятия у нее публичных полномочий в случае выявления нарушений действующего законодательства, то деятельность субъектов общественного контроля нельзя считать виновным противоправным деянием даже при наличии конфликта интересов субъекта и объекта общественного контроля.

Авторы *третьего подхода* рассматривают злоупотребление правом как действие уполномоченного правовой нормой лица, осуществляемое в границах предоставленного права, но наносящее вред третьим лицам и (или) нарушающее целевое назначение правовой нормы, а также принципы разумности и доброй совести [21, с. 56–59]. По мнению А.А. Малиновского, злоупотребление правом есть такая форма осуществления права в противоречии с его назначением, посредством которой субъект причиняет вред другим участникам общественных отношений [19].

При этом под разумным и добросовестным поведением следует понимать такое поведение лица, реализующего свое право, которое соответствует человеку, обладающему нормальным, средним уровнем интеллекта, знаний, жизненного опыта и психического отношения к предвидимому вреду или возможности его предвидения.

Сторонники *четвёртого подхода* относят злоупотребление правом к особому виду правовых деяний, не являющихся ни правонарушениями, ни правомерным поведением. Так, А.С. Шабуров выделяет четыре вида юридически значимого поведения (правонарушение – злоупотребление правом – «объективно-противоправное поведение» – правомерное поведение), полагая, что исследуемое явление отличается тем, что при отсутствии признака противоправности злонамеренное использование субъективного права сопровождается причинением недопустимого с точки зрения правовой системы вреда [22, с. 402–412].

Однако данный подход носит спорный характер – он основан на несколько надуманной классификации видов юридически значимого поведения, так как поведение лица либо нарушает правовые нормы, либо является правомерным, и иного не дано.

Авторы *пятого подхода* считают, что злоупотребление правом может выступать и в качестве правонарушения, а может и являться правомерным поведением в рамках предписаний, диктуемых правовой нормой [11, с. 33; 15, с. 46–54]. Согласно данному подходу, критерием отнесения поведения к злоупотреблению правом является не его соответствие правовым нормам, а последствия данного поведения, которые вынуждены претерпевать третьи лица, носящие неблагоприятный характер.

Таким образом, под злоупотреблением права следует понимать действие, обладающее рядом признаков: данное действие является допустимым и возможным, то есть не содержит нарушений правовых норм; оно направлено на осуществление субъективного права, закрепленного действующими правовыми нормами; в результате подобного осуществления субъективного права нарушаются права, свободы и законные интересы третьих лиц; в случае если данное поведение носит неправомерный характер, имеет место нарушение пределов осуществления субъективного права. В качестве отдельной разновидности злоупотребления права можно выделить шикану, отличительным признаком которой является то обстоятельство, что в качестве основной цели поведения выступает не осуществление субъективного права, а осознанное причинение вреда третьим лицам либо широкому кругу лиц, либо достижение иных целей.

В российской правовой доктрине нет единого понимания относительно пределов применения института злоупотребления правом в рамках отдельных отраслей права.

В отечественной юридической литературе, как справедливо отмечает И.А. Карасева [13, с. 9], сформировалось устойчивое мнение о том, что злоупотребление правом можно рассматривать в контексте гражданско-правовых отношений, тогда как о других сферах применения этого явления не говорится почти ничего. При этом сторонники данного подхода настаивают на том, что институт запрета на злоупотребление правом сформировался в рамках частно-правового регулирования и может использоваться только вне рамок публично-правовых отношений [18, с. 36]. Однако данный подход представляет-

ся неоправданным, к тому же он опровергается действующим законодательством, содержащим ряд примеров закрепления правового запрета на злоупотребление правом в рамках публично-правовых отношений. Например, запрет на злоупотребление правом предусмотрен статьей 68 Федерального конституционного закона от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (недопустимость злоупотребления правом на проведение агитации по вопросам референдума) [5].

Достаточно активно институт правового запрета на злоупотребление правом применяется и высшими судебными органами в России. В частности, в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации часто используется концепция злоупотребления конституционными правами. Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 09.11.2009 № 16-П установлено отсутствие в действиях политической партии по исключению заявителя из выдвинутого этим региональным отделением партии краевого списка кандидатов в депутаты Законодательного Собрания Краснодарского края злоупотребления своими правами в отношении заявителя, обжаловавшего решение избирательной комиссии об исключении его из избирательного списка, основанное на указанных действиях политической партии [6].

Таким образом, понятие злоупотребление правом активно вошло как в конституционно-правовое законодательство, так и в практику конституционных судебных органов, что имеет большое значение для развития данного института в российском законодательстве в целом. В этой связи И.А. Карасева справедливо отмечает: «Во-первых, именно конституционно-правовые нормы задают вектор для развития остального законодательства. Во-вторых, составить список прав, которыми может злоупотребить субъект, практически невозможно, да и нет смысла делать ссылку на них в каждом отраслевом акте. Запрет злоупотребления правами должен быть закреплен в основном законе государства как общеправовой принцип» [13, с. 9].

Представляется, что именно отсутствие закрепления в Конституции Российской Федерации института запрета злоупотребления правами и порождает коллизии в определении его понятия, а также пределов применения в различных отраслях российского права. При этом международное законодательство довольно активно использует конструкцию правового запрета в злоупотреблении правами. Например, запрет на злоупотребление правами установлен в статье 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕТS № 005 от 04.11.1950: «Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции» [1].

Таким образом, процесс реализации конституционных прав граждан Российской Федерации, включая и право на общественный контроль власти, должен предусматривать правовой запрет на злоупотребление гражданско-политическими правами. В этой связи В.И. Крусс дает следующее определение злоупотреблению правом в рамках конституционно-правовых отношений: «Злоупотребление правом ... – недобросовестное деяние, направленное на осуществление намерений (целей), противных идее конституционного правопорядка, включая несправедливое (неконституционное) приобретение благ посредством: 1) нарушения конституционных принципов правопользования в их актуальном (казуально-ситуационном) сочетании; 2) нарушения основных прав и свобод человека и гражданина (в значении, коренным образом отличном от позитивистского понимания правонарушения); 3) деформации (умаления) конституционных ценностей в силу фактического нарушения их актуального конституционного баланса» [16, с. 28]. При этом под конституционным правопользованием следует понимать основную форму реализации прав в Российской Федерации, направленную на обеспечение системы конституционно-правовых принципов, главным из которых выступает конституционный принцип, провозглашающий человека, его права, свободы и законные интересы в качестве высшей ценности в России, являющейся правовым, социальным государством с демократической формой правления.

Посредством конституционного правопользования любой человек и гражданин в Российской Федерации осуществляет позитивное и объективно проявленное получение и употребление той совокупности благ, которая выражает его законные (конституционные) интересы. Они могут быть обретены и реализованы человеком и гражданином в том объеме, который соответствует уровню международно-правовых закреплённых стандартов прав и свобод человека и гражданина (в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, многочисленных пактах и конвенциях о правах человека, принятых в рамках ООН), а также степени социально-экономического, государственно-правового и общественно-политического развития России.

Как справедливо отмечает В.И. Крусс: «Практическую возможность конституционного правопользования призван обеспечивать соответствующий механизм нормативного опосредования, реальность и эффективность которого зависят от стратегически последовательного воплощения в системе федеральных законов его модели (конструкции). Этот механизм принципиально отличается от механизма

правового регулирования, поскольку легитимно включает в себя и нормативные средства, которые (с позиций юридического правопонимания) не являются правовыми, но при этом выражают общую идею конституционного долженствования» [17].

Применительно к процессу реализации права граждан Российской Федерации на общественный контроль злоупотребления гражданско-политическими правами представляют собой деяния, совершаемые субъектами общественного контроля, направленные не на достижение целей, указанных в законодательстве об общественном контроле (в частности, в части 1 статьи 5 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2], в статье 2 Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» от 04.04.2005 № 32-ФЗ [3], в статье 6 Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» от 10.06.2008 № 76-ФЗ [4] и т.п.), а на цели, противные конституционному правопорядку (например, для собственной выгоды, саморекламы, из-за негативного отношения к объектам общественного контроля и т.п.), посредством нарушения конституционных принципов правопользования, включая принцип верховенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, и нивелирования конституционных ценностей.

В процессе реализации права граждан Российской Федерации на общественный контроль можно злоупотребить различными гражданско-политическими правами, например: 1) на осуществление мероприятий общественного контроля; 2) на использование информации, полученной в ходе проведенных мероприятий общественного контроля, а также от органов государственной власти, местного самоуправления, их должностных лиц, а также органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия; 3) на посещение органов государственной власти, местного самоуправления, их должностных лиц, органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, подконтрольных им организаций и учреждений (например, правом на посещение лиц, находящихся в местах принудительного содержания); 4) на обращение с жалобами, заявлениями в суд, к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченным по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей, по правам коренных малочисленных народов в субъектах Российской Федерации и в органы прокуратуры и т.д.

Действующее законодательство об общественном контроле содержит ряд норм, запрещающих злоупотребление гражданско-политическими правами. В частности, представляет интерес правовой запрет на допуск общественного инспектора, общественного эксперта или иного лица субъекта общественного контроля к осуществлению общественного контроля при наличии конфликта интересов при осуществлении общественного контроля, содержащийся в статье 11 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2]. При этом под конфликтом интересов понимается такая ситуация, когда допуск заинтересованного лица (общественного инспектора, общественного эксперта или иного лица субъекта общественного контроля) к осуществлению общественной проверки нарушает конституционный принцип правопользования в его актуальном (казуально-ситуационном) сочетании в силу того, что данная заинтересованность влияет или может повлиять на объективность и беспристрастность осуществления общественного контроля и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью представителей субъекта общественного контроля и законодательно установленными целями и задачами общественного контроля.

Личная заинтересованность, как правило, носит материальный характер и выражается в возможности получения представителем субъекта общественного контроля каких-либо доходов (денег, ценностей, иного имущества, в том числе имущественных прав, либо услуг для себя или для третьих лиц). При этом допуск заинтересованного лица к осуществлению общественной проверки нарушает права, свободы и законные интересы органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц, органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия (объектов общественного контроля), так как создает угрозу объективности, беспристрастности ее организации и проведения, а также правильности интерпретации результатов общественной проверки. В связи с этим законодатель не только запрещает заинтересованным лицам участвовать в проведении общественной проверки, но и обязывает их сообщать в письменной форме о конфликте интересов субъекту общественной проверки, а также в иные организационные структуры, указанные в части 2 статьи 9 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2].

Аналогичные нормы о конфликте интересов между представителями субъектов общественного контроля и законодательно установленными целями и задачами общественного контроля содержатся, например, в части 3 статьи 21, в части 3 статьи 23 вышеуказанного федерального закона. При этом информация о конфликте интересов обнародуется, в том числе и путем размещения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В свою очередь, статья 17 Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» запрещает злоупотребление правами членам общественной наблюдательной комиссии при осуществлении общественного контроля в месте принудительного содержания в случае, если там содержится их близкий родственник (супруг (супруга), родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки), а также в случае, если член общественной наблюдательной комиссии является потерпевшим, свидетелем, защитником или иным лицом, участвующим в производстве по уголовному делу, к которому причастно лицо, находящееся в месте принудительного содержания [4].

Запрет на злоупотребление гражданско-политическими правами при осуществлении мероприятий общественного контроля содержится и в региональных законах, а также муниципальных нормативно-правовых актах, посвящённых регулированию системы общественного контроля. Например, часть 9 статьи 4 Закона Краснодарского края от 25.12.2015 № 3305-КЗ «Об общественном контроле в Краснодарском крае» запрещает членам общественной инспекции либо группы общественного контроля осуществлять общественный контроль органов и организаций, а также издаваемых ими актов и принимаемых ими решений в случае, если близкий родственник (супруг (супруга), родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки) члена общественной инспекции, группы общественного контроля является должностным лицом проверяемого органа или организации либо он или его близкий родственник ранее работали в этом органе или организации [7].

Представляется, что правовой запрет на злоупотребление гражданско-политическими правами при реализации гражданами Российской Федерации права на общественный контроль выступает, с одной стороны, в качестве дополнительной гарантии соблюдения прав, свобод и законных интересов участников мероприятий общественного контроля (как объектов общественного контроля, так и третьих лиц), а с другой – позволяет достичь актуальный конституционный баланс конституционных ценностей в процессе реализации принципа конституционного правопользования. Тем не менее представляется необходимым закрепить в действующем федеральном законодательстве институт правового запрета на злоупотребление гражданско-политическими правами при реализации гражданами Российской Федерации права на общественный контроль, определив его понятие, установив условия и пределы использования, что позволит осуществить полноценную защиту конституционных прав, свобод и законных интересов всех участников мероприятий общественного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 ETS № 005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh>. – Дата доступа: 01.12.2018.
2. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Российская газета. – 23.07.2014. – № 6435 (163).
3. Об Общественной палате Российской Федерации : Федеральный закон от 04.04.2005 № 212-ФЗ // СЗ РФ. – 11.04.2005. – № 15. – Ст. 1277.
4. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ // СЗ РФ. – 16.06.2008. – № 4. – Ст. 2789.
5. О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ // СЗ РФ. – 05.07.2004. – № 27. – Ст. 2710.
6. По делу о проверке конституционности пункта 32 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», подпункта «к» пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О политических партиях», части 3 статьи 30 Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» и части первой статьи 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.З. Измайлова [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9.11.2009 № 16-П. – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09112009-n>. – Дата доступа: 01.12.2018.
7. Об общественном контроле в Краснодарском крае [Электронный ресурс] : Закон Краснодарского края от 25.12.2015 № 3305-КЗ. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/krasnodar/690617>. – Дата доступа: 01.12.2018.
8. Агарков, М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М.М. Агарков // Изв. АН СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 427.

9. Братусь, С.Н. О пределах осуществления гражданских прав : Ст. 5 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик / С.Н. Братусь // Правоведение. – 1967. – № 3. – С. 79–86.
10. Емельянов, В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / В.И. Емельянов. – М. : Лекс-Книга, 2002. – 67 с.
11. Зайцева, С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации / С.Г. Зайцева. – Рязань : Поверенный, 2002. – 33 с.
12. Иоффе, О.С. Пределы осуществления субъективных гражданских прав / О.С. Иоффе, В.П. Грибанов // Советское государство и права. – 1964. – № 7. – С. 76–85.
13. Карасева, И.А. Злоупотребление правом как одна из причин мнимой конкуренции конституционных ценностей / И.А. Карасева // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 7. – С. 9.
14. Конституция Российской Федерации: научно-практический комментарий. – 3-е изд. ; под ред. Б.Н. Топорнина. – М. : Юрист, 2003. – 191 с.
15. Крусс, В.И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека / В.И. Крусс // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 46–54.
16. Крусс, В.И. Злоупотребление правом / В.И. Крусс. – М. : Норма, 2010. – С. 28.
17. Крусс, В.И. Концепция конституционного правопользования: право на предпринимательскую деятельность : дис. ... д-ра юрид. наук / В.И. Крусс. – М., 2004. – 424 с.
18. Малеина, М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М.Н. Малеина. – М., 2001. – 36 с.
19. Малиновский, А.А. Злоупотребление правом / А.А. Малиновский. – М. : МЗ-Пресс, 2002. – 128 с.
20. Советников, И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе / И.В. Советников. – М. : ЧеРо, 2010. – 17 с.
21. Тарасенко, Ю.А. Злоупотребление правом: теория проблемы с точки зрения применения в арбитражном процессе / Ю.А. Тарасенко // Вестн. Федерального Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. – 2004. – № 4. – С. 56–59.
22. Теория государства и права ; под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М., 2003. – С. 402–412.

Поступила 05.12.2018

ON SOME ISSUES RELATED TO THE LEGAL PROHIBITION OF ABUSE OF CIVIL AND POLITICAL RIGHTS IN THE EXERCISE OF THE RIGHT TO PUBLIC CONTROL

V. GONCHAROV

This article is devoted to the study of the legal prohibition of the ban on the abuse of civil and political rights in the exercise of the right to public control. The author substantiates the position that the principle of prohibition of abuse of rights implies the exclusion of unlimited freedom in the use of participants in civil-political relations of their rights. The paper classifies the main approaches to the definition and use of the concept of “abuse of rights”, gives its author’s definition. The author substantiates the need to use this concept in the field of regulation of public relations. The paper analyzes the legislative consolidation of the legal ban on the abuse of civil and political rights in the implementation of the right to public control at the Federal and regional level. This article uses a number of methods of scientific research, in particular: analysis; synthesis; classification; comparative legal; evaluation.

Keywords: legal prohibition; abuse of civil and political rights; public control; Russian Federation; people; legitimate interests; Chicane; conflict of interest; legal use; constitutional values.